

6. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов: коллективная монография. – М.: Наука, 1983.

7. Русанов Н.С. Событие 1 марта и Н.В. Шелгунов // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.М. Воспоминания: в 2 т. – М.: ИХЛ, 1967.

8. Харламов И.Н. Женщина в русской семье // Русское богатство. – 1880. – № 3. – С. 59–107; № 4. – С. 57–112.

9. Харламов И.Н. Идеализаторы раскола // Дело. – 1881. – № 8. – С. 1–26; № 9. – С. 1–26.

10. Харламов И.Н. К вопросу о веротерпимости // Русский курьер. – 1880. – № 256, 263.

11. Харламов И.Н. Наблюдения над народной жизнью. Рец. на кн.: Г. Успенский. Деревенские не-

урядицы: в 3 т. 1881–1882. Н. Златовратский. Деревенские будни. 1882 // Страна. – 1882. – № 87. – С. 7–8.

12. Харламов И.Н. Рец. на ст.: Антропов. Русские раскольники и английские диссиденты (Русская речь. 1881. № 4) // Страна. – 1881. – № 47. – С. 5–6.

13. Харламов И.Н. Рец. на кн. А.Н. Пыпин. Изучение русской народности (Вестник Европы. 1881. № 7) // Страна. – 1881. – № 97. – С. 6–7.

14. Харламов И.Н. Русский народный юмор // Дело. – 1881. – № 12. – С. 1–36.

15. Харламов И.Н. Старообрядческое братство // Страна. – 1881. – № 23. – С. 3.

УДК 94(470)“1917”

Федюк Владимир Павлович

доктор исторических наук, профессор
Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова
fedjuk@mail.ru

АЛЕКСАНДР КЕРЕНСКИЙ: ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

В статье раскрывается сущность «феномена Керенского» как одного из самых ярких проявлений общественных настроений 1917 г. Менее чем за полгода молодой политик Керенский оказался вознесенным на вершину власти, став фактически единоличным правителем России. Однако всего несколько месяцев спустя прежние восторженные почитатели отреклись от Керенского, обвинив его в развале страны и в попустительстве большевикам. Объяснение этого взлета и падения может помочь более глубоко понять причины, обусловившие конечный результат русской революции.

В современной России белые вожди нашли почитателей и последователей. Но ни одна политическая сила не спешит написать на своих знаменах имя Керенского. Для «державников», тех, кто ратует за сильную национально окрашенную власть, Керенский остается человеком, развалившим великую страну.

Керенский неотделим от «эпохи надежд», и конец ее стал концом и его самого. В личности Керенского, в его стремительном взлете и падении нашло отражение сумасшедшее время, когда слова значили больше, чем дела, когда пьянящее чувство свободы толкало людей на страшные поступки, когда шкурничество маскировалось под идеализм, а идеализм служил оправданием убийству и предательству. Судьба дала возможность Керенскому выступить на самой главной сцене, перед самой большой аудиторией. Ему в полной мере досталось и восторженное поклонение, и яростной ненависти.

Ключевые слова: Керенский, русская революция, 1917 год, общественные настроения, власть, политическое лидерство.

В июне 2003 г. городская дума Ульяновска приняла постановление о включении в список почетных граждан города Владимира Ульянова (Ленина) и Александра Керенского. Казалось бы, в наши времена, когда ставятся памятники белым генералам, в этом нет ничего удивительного. Но с белыми генералами дело обстоит куда проще. В ситуации с ними присутствует некий общий знаменатель – патриотизм, принимаемый и левыми, и правыми. Это и позволяет бронзовому Колчаку мирно соседствовать с такими же бронзовыми или гранитными сталинскими маршалами.

В современной России белые вожди нашли почитателей и последователей. С Керенским все не так. Ни одна политическая сила не спешит написать его имя на своих знаменах. Для «державников», тех, кто ратует за сильную национально окрашенную власть, Керенский остается человеком,

развалившим великую страну. Социалисты, к которым причислял себя Керенский, ныне в загоне. Умеренно-социалистические течения в нынешней России приживаются плохо, несмотря на регулярные попытки насаждения их сверху. Единственным организованным отрядом последователей Маркса остаются коммунисты, а для них Керенский традиционно фигура враждебная.

Казалось бы, Керенского должны были приветить либералы. Ведь именно период его пребывания у власти нынешние либералы считают единственным глотком свободы в долгой истории сменявших друг друга тираний. Но и либералы от Керенского отворачиваются. Давно возведен в ранг величайшего политического мудреца Милюков, любой мало-мальски заметный деятель начальной эпохи в истории российского либерализма удостоился как минимум мемориальной доски. Один Керенский остается забытым и никому не нужным.

Объяснение одно – подсознательно Керенский воспринимается как неудачник. Ни одно политическое движение не хочет связывать с ним свое имя, опасаясь насмешек со стороны конкурентов. В массовом сознании Керенский так и остался мужчиной в женском платье, а значит, и не мужчиной вовсе. Но так ли все обстояло на самом деле? Забудем, в конце концов, про костюм сестры милосердия. Поставим вопрос серьезнее – действительно ли Керенский развалил страну?

Прежде всего, эта задача была явно не по плечу одному человеку. Критики Керенского, обвиняя его в развале России, сами попадают в плен противоречия. Не мог развалить крепкое, не знающее внутренних проблем государство человек слабый и лишенный воли. В дни революции Россия с невероятной быстротой летела в пропасть, и вина Керенского только в том, что он не смог этому помешать. Сделать это не смог бы никто. Те же большевики сначала окончательно доконали прежнюю Россию и лишь потом на ее руинах воздвигли советскую империю.

Итак, Керенский не может считаться единственным виновником гибели старой России. Если он и приложил к этому свою руку, то наряду со многими другими. Но на совести Керенского другое преступление, которое обычному человеку гораздо сложнее оправдать. Керенский убил надежды, которые сам в значительной мере и породил. Это были надежды на скорое счастье, на то, что свобода принесет немедленные, материально ощутимые и, естественно, сугубо позитивные плоды. Такой обман не прощается. Поэтому-то Керенский и остался в общественном восприятии пустым болтуном, как и другой, живший гораздо позднее политик, тоже любивший говорить о свободе и в итоге приведший страну к катастрофе.

Керенский был человеком сложным. В его характере и поведении перемешалось все – и искренний идеализм, и неприкрытый эгоизм, приверженность к свободе и демократии и какое-то совершенно пошлое тщеславие. Зинаида Гиппиус, хорошо знавшая Керенского, сумела найти для него правильные слова:

Проклятой памяти безвольник,
И не герой – и не злодей,
Пьеро, болтун, порочный школьник,
Провинциальный лицедей,

Упрям, по-женски своенравен,
Кокетлив и правдиво-лжив,
Не честолюбец – но тщеславен,
И невоспитан, и труслив...

В своей одежде неопрятной
Развел он нечисть наших дней,
Но о свободе незакатной
Звенел, чем дальше, тем нежней...

Когда распухившейся гади
Осточертела песнь Пьеро, –

Он, своего спасенья ради
Исчез, как легкое перо.

Уже весной он, министр юстиции, – человек, занимающий не самый значимый в кабинете пост – воспринимался как символ Временного правительства и, в широком смысле, всей революции. С назначением на должность военного министра к числу восторженных поклонников Керенского примкнули миллионы солдат на фронте и в тылу. Никогда, ни раньше, ни позже, ни один из российских лидеров не удостоивался такого масштабного и беззаветного обожания. Конечно, можно вспомнить Сталина и позднейших советских вождей, но в этом случае поклонение в значительной степени было разыгранным, между тем как восторги по адресу Керенского были искренними и бескорыстными.

Весной и летом 1917 г. газеты были полны приветственными телеграммами в адрес Керенского. Вот один, взятый наугад, пример: «Команда ярославского военного лазарета, собравшись 9 мая для выборов членов дисциплинарного суда, единогласно постановила приветствовать Вас – первого министра-социалиста, пользующегося любовью и уважением всей Руси великой. С радостью отдаем все наши силы в Ваше распоряжение» [3]. Теперь попробуем в этом разобраться. Лазаретная команда (сколько в ней числилось человек? Двадцать? Тридцать?), собравшись для решения вполне конкретного вопроса, ни с того ни с сего посылает министру телеграмму с выражением преданности и любви. Если подумать, в этом было что-то ненормальное.

Энтузиазм поклонников Керенского не знал границ. В мае 1917 г. газеты серьезно обсуждали вопрос о создании специального «Фонда имени Друга Человечества А.Ф. Керенского». Тогда же московская фабрика Д.Л. Кучкина, специализировавшаяся на изготовлении памятных знаков, выпустила жетон с портретом нового министра юстиции. На обороте красовалась надпись: «Славный, мудрый, честный и любимый вождь свободного народа». Об этой атмосфере всеобщего восхищения Керенским позже с иронией писал В.В. Маяковский:

Подшит к истории,
пронумерован
и скреплен,
и его
рисуют –
и Бродский и Репин.

К слову, о «теме Керенского» в живописи. Оба упомянутых Маяковским портрета, к счастью, сохранились, и мы можем увидеть, каким запечатлела Керенского кисть самых известных художников его времени. На незаконченном портрете Репина Керенский изображен в интерьере своего рабочего кабинета в Зимнем дворце. Приглушенные тона, едва пробивающийся через стекло свет создают

впечатление интимности и умиротворения. Керенский расслаблен, каким он редко бывал в реальной жизни, он улыбается и совсем не похож на главу правительства революционной России. Совсем другим выглядит Керенский на портрете Бродского. Будущий автор пафосных портретов Ленина изобразил Керенского в напряженной, почти угрожающей позе. Его плечи, да и вся фигура непропорционально велики по сравнению с головой, так что создается впечатление, что он как бы нависает над зрителем. Это другой Керенский – не «друг человечества», а скорее «вождь», решительный и немолчаливый. Стоит ли говорить, что Керенский не был ни тем, ни другим?

Но вернемся у «феномену Керенского». Найти объяснение ему пытались уже современники, не говоря об историках позднейших лет. Главное, что чаще всего упоминается в этой связи – это якобы поразительный ораторский талант Керенского. Действительно, революция была временем ораторов – больших и малых, талантливых и бездарных. Генерал П.Н. Врангель, оказавшийся весной 1917 г. в Петрограде, вспоминал: «Это была какая-то вакханалия словоизвержения. Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул и начинал говорить. Ему отвечал другой, третий и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь были заняты речами членов Временного правительства, членов Совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций. Темы были всегда одни и те же: осуждение старого режима, апология «бескровной революции», провозглашение «борьбы до победного конца» (до «мира без аннексий и контрибуций» тогда еще не договорились), восхваление «завоеваний революции»» [2, с. 27].

Следует учитывать еще одно обстоятельство. В условиях дефицита массовых зрелищ эту нехватку в значительной мере восполняли революционные митинги. На популярных ораторов «ходили», как прежде ходили на талантливого певца или артиста. Не случайно существовало расхожее выражение «теноры революции», иронически обозначавшее профессионалов этого жанра. В этом ряду Керенский был на одном из первых мест.

Английский дипломат-разведчик Р. Локкарт оставил любопытное описание одного из выступлений Керенского. Дело было 25 мая 1917 г., Керенский только что прибыл с фронта в Москву и прямо с вокзала отправился в Большой театр, где должен был состояться очередной концерт-митинг. Перед собравшейся в театре публикой читал стихи Бальмонт, пел Собинов, но это был лишь «разогрев» в ожидании главного номера. Наконец, под

гром аплодисментов на сцене появился Керенский. Он поднял руку и заговорил. Содержание его выступления передать сложно, но главное в данном случае не содержание, а то, что было потом. «Окончив речь, он в изнеможении упал назад, подхваченный адъютантом. Солдаты помогли ему спуститься со сцены, пока в истерическом припадке вся аудитория повскакала с мест и до хрипоты кричала «ура». Человек с одной почкой, человек, которому осталось жить полтора месяца, еще спасет Россию. Жена какого-то миллионера бросила на сцену свое жемчужное ожерелье. Все женщины последовали ее примеру. И град драгоценностей посыпался из всех уголков громадного здания» [1, с. 163].

Локкарт, человек далеко не восторженный, называл Керенского одним из величайших ораторов в истории. Однако вот что странно: опубликованные речи Керенского абсолютно не производят впечатления. В них нет ни убеждающей логики, ни эффектных риторических приемов. По содержанию своему они представляют собой набор одних и тех же повторяющихся фраз, излишне пафосных, излишне красивых и чаще всего абсолютно бессодержательных. «Я растопчу цветы души моей... Я замкну свое сердце и брошу ключи в море» – это типичные для Керенского обороты. Самая известная фраза Керенского о «взбунтовавшихся рабах» была, во-первых, прямой цитатой из Аксакова, а во-вторых, подсказана ему накануне одним из его собеседников.

Выступая перед многотысячной толпой, Керенский словно преображался. В обычной жизни у него был совсем не сильный, а скорее мягкий голос. К тому же он слегка картавил. Но на трибуне все менялось. Голос Керенского становился хриплым. Начиная речь спокойно и даже тихо, он к концу уже не говорил, а что-то отрывочно выкрикивал.

Сенатор С.В. Завадский, знавший Керенского по министерству юстиции, полагал, что его ораторские способности более воздействовали не на ум и даже не на чувства, а на нервы слушателей [5, с. 33]. Выступая, он заводил не только аудиторию, но и самого себя. Неудивительно, что всплески нервной энергии чередовались у Керенского с неизбежными срывами, очень напоминавшими наркотическую абстиненцию. Не случайно ходили слухи о том, будто Керенский и впрямь нюхает то ли эфир, то ли кокаин.

Позже, уже в эмиграции писатель Р.Б. Гуль написал любопытную историю, услышанную им от Керенского. Речь шла о тех временах, когда Керенский еще работал адвокатом. Как-то председатель суда попросил его вкратце набросать содержание своего выступления. Керенский ответил, что сделать этого не может. «Почему?» – удивился собеседник. «Потому что когда я выступаю, я не знаю, что я скажу. А когда я кончил, я не помню, что

я сказал» [4, с. 71]. Публика слушала Керенского, но не слышала, о чем он говорит. Воспринимались не слова, а жесты, интонации, общий настрой. Причем эмоциональное воздействие выступлений Керенского было настолько сильно, что действовало не только на непосредственных слушателей, но через них – на более широкую аудиторию.

Можно сказать, что Керенский был телевизионным политиком дотелевизионной эпохи. Он имел тот необходимый артистический талант, который должен быть присущ каждому политику, напрямую общающемуся с массами. Несостоявшийся «артист императорских театров» все-таки взял свое. Но как в артисте или оперном певце, аудитория Керенского ценила не слова, а манеру исполнения. В этом-то и была главная слабость Керенского-оратора. Он не убеждал, а заражал своими чувствами. Поэтому когда эмоциональный удар ослабевал, у слушателей Керенского не оставалось в головах ничего кроме неясных воспоминаний.

Как талантливый артист, Керенский умел и любил нравиться, причем эта любовь подчас принимала характер болезненной страсти. Это было заложено в характере, Керенскому сложно было сделать что-то с собой. Буквально за несколько дней до большевистского переворота он с гордостью сообщил своим коллегам по кабинету министров: «Знаете, что я сейчас сделал? Я написал 300 своих портретов» [9, с. 20]. Как артисту ему льстила популярность, как политик он принимал ее за искреннюю поддержку и просчитался в этом.

Конечно, ораторские способности Керенского сыграли огромную роль в формировании его необыкновенной популярности, но одного этого было бы мало. «Феномен Керенского» сложился из целого ряда факторов. Во-первых, молодость, которая воспринималась как положительное качество, учитывая, что трем последним премьерам царской России было каждому далеко за шестьдесят. Во-вторых, то обстоятельство, что Керенский не уставал причислять себя к социалистам. Совместная пропаганда левых партий сумела в это время внушить значительной части населения представление о социализме как единственном варианте развития страны, а Керенский был лучшим кандидатом на роль живого воплощения этого курса.

Все это вместе взятое можно объединить одним словом – надежда. Даже в февральско-мартовские дни, когда эйфория, казалось бы, захлестнула всех, в сознании людей подспудно нарастало ощущение чего-то страшного. Страна ждала лидера, человека, способного совершить чудо. Эти надежды же на лучшее постепенно и стали отождествляться с Керенским. Иллюстрацией таких настроений может служить стихотворение, присланное некой дамой из Моршанска в редакцию одного из столичных журналов:

Гляжу портрет его.
Какое славное лицо,
Как много мужества, ума и воли.
И стало на душе легко -
Анархии не будет боле [10, с. 153].

Эти строки могут показаться наивными и смешными, но они, несомненно, искренни. Чувствуя, что от него ждут, Керенский играл сильного человека. Но это была только игра, ибо ни по причине личных качеств, ни в силу обстановки помешать надвигавшемуся ужасу он не мог. Один из современников, достаточно близко знавший Керенского, позже писал: «Я редко видел человека, который бы так старался доказать свою силу и вместе с тем оставлял такое яркое впечатление безволия и слабости» [15, с. 312]. Постепенно это становилось заметно и другим.

В начале осени, когда популярность Керенского начала уже стремительно падать, журнал «Республика» преподнес читателям запоздавший сюрприз – специальный номер, посвященный недавнему кумиру. Эпиграфом к нему стали строки: «Его, как первую любовь, России сердце не забудет». Первая любовь, как это чаще всего и бывает, оказалась непрочной. Несбывшиеся надежды рождали разочарование, разочарование перерастало в ненависть. В памяти большинства Керенский остался калифом на час, человеком, развалившим Россию, приведшим к власти большевиков.

Не случайно, что именно этот образ был использован Сергеем Есениным, когда тот писал о Керенском в поэме «Анна Снегина»:

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над строною калифствовал
Керенский на белом коне.

Интересно, что эпизод с «Керенским на белом коне» имел место в действительности. Дело происходило в июне 1917 г., когда Керенский только что был назначен военным министром. По этому случаю он задумал организовать в Павловске смотр местного гарнизона. Командующий округом генерал Половцев убедил Керенского в том, что объезжать строй нужно непременно верхом. Керенскому привели огромного белого коня, на котором некогда ездил царь. В воспоминаниях Половцева эта картина описывается так: «Он взгромоздился в седло и, взяв в руки мунштучный повод с одной стороны и трензельный с другой, поехал по фронту. В то время как один конюх следовал пешком у головы лошади, по временам давая ей направление, а другой бежал сзади, вероятно с целью подобрать Керенского, если он свалится. Рожи казаков запасной сводно-гвардейской сотни не оставили во мне никаких сомнений относительно впечатления, произведенного объездом» [12, с. 102]. На следующий день газеты поместили подробное описание церемонии, особенно смакуя то обстоятельство, что Керенский объезжал строй верхом на царском коне.

Писать о Керенском трудно, прежде всего, потому, что главные свидетели – современники – не могли воспринимать его беспристрастно. Восторг, безграничное поклонение или столь же безграничная ненависть – вот разброс оценок мемуаристов. Даже внешность Керенского с помощью цитат из воспоминаний современников нарисовать крайне трудно. «Наружность он имел не совсем урядную. Рыжеватые волосы он носил бобриком. Большая его голова при среднем росте казалась слишком несоразмерна туловищу. И лицо он имел бледное с нездоровой и дряблой кожей» [6, с. 412]. Таким запомнил Керенского писатель М.М. Зощенко. Другой очевидец тоже вспоминает «топорщщийся бобрик над вытянутым, длинным лицом, и собачью старость переутомленных висячих щек, и тяжелый грушеобразный нос, и нездоровый, серо-желтый цвет кожи» [14, с. 257].

В воображении после этого возникает образ почти карикатурный. К слову сказать, карикатуристы очень любили рисовать Керенского именно из-за наличия узнаваемых черт, которым кисть художника легко могла придать гротесковий вид. Конечно, можно обвинить авторов воспроизведенных нами воспоминаний в сознательном или бессознательном принижении бывшего кумира. Однако рассматривая многочисленные фотографии Керенского в 1917 г., приходишь к выводу, что в этих описаниях немало истины. На фотографиях Керенский действительно выглядит намного старше своих 36 лет.

Главная причина этого – тот сумасшедший ритм, который Керенский задал себе с самого начала. Нередко ему приходилось бодрствовать по несколько суток подряд, трижды и даже четырежды в день выступать с речами перед многотысячной аудиторией. Спать он ложился в три-четыре часа ночи, а вставал уже в восемь утра. В бытность Керенского премьер-министром заседания кабинета, подчиняясь ночному образу жизни главы правительства, начинались в полночь, а то и позже.

Известный философ Ф.А. Степун, близко общавшийся в ту пору с Керенским, позже писал: «Я глубоко уверен, что большинство сделанных Керенским ошибок объяснялись не тою смесью самоуверенности и безволия, в которой его обвиняют враги, а полной неспособностью к технической организации рабочего дня. Человек, не имеющий в своем распоряжении ни одного тихого, сосредоточенного часа в день, не может управлять государством. Если бы у Керенского была непреодолимая страсть к ужению рыбы, он, может быть, и не проиграл бы Россию большевикам» [13, с. 376].

Знаменитая деталь, запомнившаяся современникам и увековеченная на сотнях фотографий – Керенский с правой рукой, висящей на перевязи или заложенной за пуговицы френча. Эта «наполеоновская» поза дала повод для многих язвительных

замечаний. На деле все было просто – во время поездки на фронт Керенскому пришлось за руку здороваться с тысячами поклонников. Он сам вспоминал о том, что как-то его «целовала целая дивизия». После речи военного министра наэлектризованная толпа смяла охрану, чтобы лично прикоснуться к кумиру. По словам Керенского, «это было черт знает что, я был в полной уверенности, что через полчаса окажусь трупом» [5, с. 76]. Результатом бесчисленных рукопожатий стала тяжелая форма невралгии, не позволявшая ему даже пошевелить пальцами.

Удивительно, как организм Керенского выдерживал эту нагрузку, особенно если вспомнить, что его трудно было назвать здоровым человеком. Он пережил тяжелейшую операцию по удалению почки. В довершение всего Керенский был близорук почти до слепоты. Он тщательно скрывал это обстоятельство даже от друзей и сознательно не носил очки. Скорее всего, отказ Керенского носить очки объяснялся (как это и бывает в большинстве случаев) страхом испортить сложившийся образ. В быту близорукость ему не слишком мешала, а на самый крайний случай у него имелся лорнет, придававший его лицу удивительно старушечий вид.

К слову, возможно, именно крайняя близорукость Керенского определила его манеру публичных речей. Выступая перед публикой, он просто не видел аудитории и вынужден был реагировать на другие факторы. Говоря по другому, он «чувствовал» своих слушателей именно потому, что не мог их видеть.

Надо сказать, что Керенский очень тщательно следил за тем, как он выглядит на публике. В дни своего пребывания депутатом думы он одевался по последней моде, даже с некоторой щеголеватостью. Но революция мгновенно изменила его внешний вид. Теперь он носил черную тужурку со стоячим воротником, в которой был похож не то на студента, не то на великовозрастного гимназиста.

Момент превращения запечатлел в своих воспоминаниях управляющий делами Временного правительства В.Д. Набоков. Дело было в тот самый день, когда Керенский добился от Совета одобрения своего вхождения в состав правительства. Керенский был одет как всегда – в костюм и крахмальную рубашку с галстуком. Рубашка по тогдашней моде имела жесткий воротничок с загнутыми углами. Керенский неожиданно взялся за эти уголки и отодрал их. В результате галстук съехал куда-то под жилетку и новоявленный министр юстиции приобрел нарочито-пролетарский вид [11, с. 16].

Вступление Керенского в должность военного министра привело к новому переодеванию. На фотографиях, запечатлевших его в первые дни после нового назначения, он еще одет как человек сугубо штатский – в длинное летнее пальто и мягкую шля-

пу. Но уже во время поездки на фронт Керенский появляется в новом облике. На нем короткий френч английского образца, а на голове – кепи с высокой тульей. Новый костюм придавал Керенскому «полувоенный вид». С другой стороны отсутствие каких-либо знаков различия и видимые расхождения с форменной одеждой должны были показать, что военный министр – лицо гражданское.

Если не брать во внимание одежду, то в быту Керенский был неприспособлен. У него не было особых пристрастий в еде, разве что он любил сладкое и мог зараз съесть три порции десерта. Один из тех, кому пришлось как-то присутствовать за столом у Керенского, описывает это так. «Блюда вполне скромного завтрака подавались, довольно нескладно, двумя министерскими курьерами (теперь «товарищами»), одетыми в летние коломянковые тужурки. Вина на столе не было, но был квас и вода. Пухлые салфетки и вся сервировка напоминали буфет второстепенной железнодорожной станции, да и сами завтракавшие за одним столом люди казались сборищем куда-то спешащих пассажиров, случайно очутившихся за общей буфетной трапезой» [8, с. 132].

Это происходило на служебной квартире министра юстиции, располагавшейся прямо в здании министерства. После назначения министром Керенскому первую неделю пришлось ночевать в кабинете, так как в квартире продолжала жить семья его предшественника – царского министра юстиции Добровольского. Свою семью он сумел перевезти в министерский особняк только в середине марта. Казенное жилье было холодным и неудобным. Квартира представляла собой анфиладу проходных комнат и уединиться в ней не было никакой возможности. К тому же, несмотря на часовых у входа, в квартире всегда толпились какой-то случайный народ – студенты, курсистки, жалобщики и просители.

Когда Керенский был назначен военным министром, он переехал в «довмин» на набережной Мойки. Однако семью он с собой не взял. Ольга Львовна Керенская вместе с сыновьями Олегом и Глебом вернулась в квартиру на Тверской улице, которую она предусмотрительно оставила за собой. Квартира находилась на первом этаже, но Керенскому и в голову не пришло поставить охрану на улице или у подъезда.

Для Керенского, как и для многих политиков, платой за общественный успех стал семейный разлад. В первые недели революции Ольга Львовна старалась всегда быть рядом с мужем. В те дни ее видели и запомнили многие современники. «Очень моложавая на вид, энергичная и подвижная, она производила впечатление плохо упитанной курсистки, нервно и повышенно воспринимающей жизненные тяготы. Бледное лицо ее, обрамленное светло-русыми, зачесанными к низу волоса-

ми, было скорее приятно» [8, с. 130]. Другой увидел Ольгу Керенскую в ту пору юный гимназист, а позже писатель и литературовед Лев Успенский: «Милое лицо, большие грустные глаза как у дамы на том серовском портрете, взглянув на который психиатр Тарновский сразу же определил тяжелую судьбу и душевные недуги женщины, послужившей художнику моделью... Была в этих ее глазах какая-то тревога, смутный испуг, страх перед будущим» [14, с. 266].

У Ольги Львовны были основания для тревоги – она не могла не видеть, что муж все более отдаляется от нее. Уже к середине лета по Петрограду поползли слухи о разводе Керенского. Разлучницей называли актрису Елизавету Тиме. По словам знающих людей, Керенский то ли тайно оброчился с ней, то ли уже обвенчался. В былые годы Керенский действительно не слишком усердно хранил супружескую верность. У него было много романов на стороне, самым продолжительным из которых был роман с двоюродной сестрой его жены студенткой-медичкой Еленой Барановской. Ольга Львовна знала об изменах мужа, но каждый раз прощала его. Однако слухи о Керенском и актрисе Тиме вряд ли имели серьезную основу. У него попросту не оставалось времени на любовную интрижку, да и каждую минуту его окружали десятки людей, не давая ни минуты побыть одному. Конкуренткой Ольги Львовны была не другая женщина – с этим она привыкла мириться, а большая политика, отнимавшая у Керенского все силы.

Постоянное напряжение требовало разрядки. К несчастью Керенского, ему не удалось найти эффективного способа релаксации. Он никогда не курил, был равнодушен к алкоголю (хотя в совсем уж тяжелую минуту мог выпить предложенную рюмку коньяку), все слухи о том, что он то ли нюхает эфир, то ли вкальвует морфий, были не более чем слухами. В былые, казавшиеся теперь спокойными времена в квартире Керенских по праздникам собирались шумные компании. Душой общества был сам хозяин. Он был хорошим рассказчиком, имел неплохой голос – мягкий баритон и знал десятки оперных арий и романсов. Но сейчас все это ушло в прошлое.

Как ни странно, при всей крайней общительности Керенского, друзей у него оказалось мало. Знакомым было несть числа, еще больше – восторженных поклонников обоюбого пола, но не друзей, на которых можно было бы опереться в тяжелую минуту. Впрочем, в окружении Керенского был человек, никогда не занимавший никаких постов, но очень близкий ему лично. Это «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская.

Керенский познакомился с ней в 1912 г. во время поездки на ленские прииски. Первым же своим распоряжением в качестве министра юстиции Керенский распорядился освободить Бреш-

ко-Брешковскую и со всеми почестями отправить ее в столицу. «Бабушка» поселилась в квартире Керенского, хотя в Петрограде жил ее родной сын – скандальный писатель и журналист. Даже в Зимнем дворце, куда Керенский не взял семью, для «бабушки» он распорядился выделить особое помещение. Он всегда относился к Брешко-Брешковской с огромным уважением, но никогда не спрашивал ее совета в практических делах.

Надо признать, что человеку, поднявшемуся к вершинам власти, трудно сохранить друзей. К тому же дружба в такой ситуации может стать попросту обременительной, поскольку друзья, как правило, претендуют на особое положение. Политическому лидеру важнее иметь не друзей, но команду помощников – умных и деловых, способных на то, на что не способен он сам, но не претендующих на его место. У Керенского такой команды людей, на которых он мог опереться, не было. Это проявлялось и раньше, но особенно стало ощутимо с назначением его на пост военного министра.

Керенский прожил почти девяносто лет. Но почти две трети этой жизни были жизнью после смерти. Нина Берберова назвала Керенского «человеком, убитым 1917 годом». С формальной точки зрения это не совсем так. В эмиграции Керенский не просто влачил существование, живя исключительно прошлым. Он в полной мере отдавался сегодняшнему дню – любил, интриговал, ссорился и мирился. Но все это было жизнью рядового обывателя, одного из тысяч русских беженцев. Такой человек, если и будет упомянут на страницах истории, то в лучшем случае мелким шрифтом в примечаниях. Тот же Керенский, которому было суждено попасть в учебники, действительно умер в 36 лет. Он перестал быть человеком, а стал символом – для кого-то символом развала и унижения России, для других – олицетворением короткого мига свободы, предшествовавшего страшным временам.

Летом 1917 г., когда популярность Керенского достигала высшей точки, одним из его секретарей был молодой и мало кому известный поэт Леонид Каннегисер. Год спустя его имя прогремит на всю Россию – Каннегисер совершит покушение на чекиста Моисея Урицкого, будет схвачен и расстрелян. Словно предчувствуя это, в одном из своих стихотворений он писал:

И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о мать,
И буду в покинутом поле
С прострелянной грудью лежать,

Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне

Я вспомню – Россия. Свобода.
Керенский на белом коне [7, с. 95].

Керенский неотделим от «эпохи надежд», и конец ее стал концом и его самого. В личности Керенского, в его стремительном взлете и падении нашло отражение сумасшедшее время, когда слова значили больше, чем дела, когда пьянящее чувство свободы толкало людей на страшные поступки, когда шкурничество маскировалось под идеализм, а идеализм служил оправданием убийству и предательству. Судьба дала возможность Керенскому выступить на самой главной сцене, перед самой большой аудиторией. Ему в полной мере досталось и восторженного поклонения, и яростной ненависти. И лишь те немногие, кто сохранил память об «эпохе надежд», не предали поруганию ее главного героя.

Библиографический список

1. Брюс Локкарт Р.Г. История изнутри. Мемуары британского агента. – М.: Новости, 1991. – 320 с.
2. Врангель П.Н. Записки. Кн. 1. – М.: Менеджер, 1991. – 293 с.
3. Голос (Ярославль). – 1917. – 11 мая.
4. Гуль Р. Я унес Россию. Т. 2. Россия во Франции. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 512 с.
5. Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. – Берлин: Изд. И.В. Гессен, 1923. – Т. 11. – С. 29–58.
6. Зоценко М. Керенский // Рассказы и повести. – Л.: Лениздат, 1960. – 652 с.
7. Каннегисер Л. Из посмертных стихов // Наше наследие. – 1993. – № 3 – С. 92–96.
8. Карабчевский Н. Что глаза мои видели. Т. 2. Революция и Россия. Берлин. – Изд. Ольги Дьяковой, 1921. – 256 с.
9. Кроть Л.А. За три года. – Владивосток, 1921. – 289 с.
10. Летопись (Петроград). – 1917. – № 5. – С. 153.
11. Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. – Берлин: Изд. И.В. Гессен, 1922. – Т. 1. – С. 6–82.
12. Половцев Л.В. Дни затмения. – М.: ГПИБ., 1999. – 273 с.
13. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Изд. С-ПбГУ, 1995. – 579 с.
14. Успенский Л. Записки старого петербуржца. – Л.: Лениздат. – 512 с.
15. Шидловский С.И. Воспоминания // Февральская революция в описании белогвардейцев. – М.: Госиздат, 1926. – С. 282–315.